

С.В. Изъединова

Несколько месяцев у Буров

**Воспоминания сестры
милосердия**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
С11

С11 **С.В. Изъединова**
Несколько месяцев у Буров: Воспоминания сестры милосердия / С.В. Изъединова – М.: Книга по Требованию, 2022. – 363 с.

ISBN 978-5-4241-7400-1

ISBN 978-5-4241-7400-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Эта книга — запоздавшая книга. Обстоятельства помѣшали ея появленію тотчасъ послѣ моего возвращенія изъ Южной Африки. Это, вѣроятно, способствовало болѣе точности моихъ свѣдѣній и провѣркѣ первыхъ впечатлѣній; но для многихъ, съ горячимъ сочувствіемъ слѣдившихъ у насъ за геройской борьбой послѣднихъ лѣтъ, она представила бы тогда объясненіе происходившихъ фактовъ, издали казавшихся странными и непонятными. Въ то время я ожидала освѣщенія этихъ вопросовъ отъ многихъ, побывавшихъ въ Трансваалѣ, и не думала, чтобы обработка моихъ замѣтокъ и впечатлѣній могла представить болѣе чѣмъ частный интересъ относительно дѣятельности нашего санитарнаго отряда. Прочитавъ эту книгу, станеть ясно, почему я не особенно торопилась будить неприятныя впечатлѣнія и амбулаціонныя дрязги. Но, какъ оказывается, при всемъ говорившемся и писавшемся о буряхъ, наша серьезная литература осталась въ этомъ отношеніи крайне бѣдной, и я, по правдѣ сказать, не знаю ни одной русской книги сколько-нибудь удовлетворительно касающейся народнаго характера буревъ, значенія этой войны для ихъ будущей исторіи, а также многихъ изъ наиболее интересныхъ и выдающихся ея дѣятелей. Таковы, прежде всего, президентъ Штейнъ, личность и значеніе котораго я и попыталась выяснитъ подробно; таковы генералъ Кронье, Вильбуа, Альбрехтъ и нѣкоторые другіе. Столь же неполнымъ, даже въ специальныхъ сочиненіяхъ, осталось освѣщеніе многихъ фактовъ и факторовъ борьбы — напримѣръ, сдача Кронье и ея дѣйствительное значеніе въ ходѣ событій, участіе въ войнѣ европейцевъ и друг. То же надо сказать и о самой странѣ, бытѣ, характерѣ буревъ и складѣ ихъ прежнихъ національныхъ учрежденій, по большей части затронутыхъ нѣсколькими поверхностными и не всегда справедливыми словами. Все это побудило меня собрать, наконецъ, разбросанныя по разнымъ газетамъ статьи по отдѣльнымъ вопросамъ, дополнитъ и связать ихъ, въ надеждѣ, что такое болѣе полное изложеніе поможетъ многочисленнымъ у насъ друзьямъ буревъ выяснитъ себѣ многое, оставшееся смутнымъ и непонятнымъ. Въ противоположность часто неудовлетворительнымъ

условіямъ самой работы и амбулационныхъ отношеній, я считаю, что, какъ наблюдатель, обстоятельство сложились для меня особенно счастливо и удачно, давъ мнѣ возможность посѣтить всѣ три театра войны, пѣзѣздить чуть не всю страну, познакомиться съ фронтовой и лагерной жизнью буровъ, и все же въ наиболѣе интересныя, критическія моменты находиться въ главныхъ городахъ — Преторіи, Блумфонтенѣ, Кронстадтѣ, гдѣ смыслъ событій сосредоточивался и выражался всего опредѣленнѣе. Кроме того, немногимъ удалось такъ близко сойтись не только съ заурядными членами мѣстнаго общества, но и съ нѣкоторыми изъ руководящихъ дѣятелей или ихъ семьями, что дало мнѣ возможность, даже по возвращеніи, постоянно провѣрять свои впечатлѣнія, а также многихъ другихъ, писавшихъ по этому вопросу и приводимыхъ ими факты. Въ настоящее время я могу сказать, что, если разсказъ единичнаго человека, все же столь близкій къ событіямъ, неизбежно долженъ страдать иногда отсутствіемъ полноты и всесторонности, даже мелкими неточностями въ подробностяхъ, — все дѣйствительно интересное и существенное, все представляющее новый фактъ или освѣщеніе, противорѣчащее ранѣе появившимся даннымъ, является у меня результатомъ не только разсказовъ и слуховъ, а провѣрено вполне добросовѣстно посредствомъ заявленій, отчасти письменныхъ, наиболѣе освѣдомленныхъ на этотъ счетъ мѣстныхъ дѣятелей, а по возможности основано и на строго документальныхъ данныхъ.

Составленная въ такихъ условіяхъ, я надѣюсь, что настоящая книга, несмотря на нѣкоторые признаваемые мною недостатки — все же представитъ интересъ для многихъ увлекавшихся народомъ и дѣломъ, ставшими мнѣ родными и близкими въ теченіе описанныхъ здѣсь мѣсяцевъ.

Я буду вполне довольна, если мнѣ удастся возстановить въ ихъ настоящемъ освѣщеніи нѣсколько фактовъ и личностей, и прежде всего самый народъ буровъ, по моему плохо, недостаточно понятый большинствомъ изъ посѣтившихъ его, примѣнявшимъ къ нему современную европейскую мѣрку, да и то весьма поверхностнымъ образомъ. Этимъ я заплачу хотя отчасти долгъ благодарности за оказанныя мнѣ тамъ столь многими гостепрѣимство и ласку.

С. Изъединова.

14 декабря
1902 г.
С.-Петербургъ.

ГЛАВА I.

Однимъ изъ интересныхъ явленій общественной жизни Европы на рубежѣ только что смѣнявшихся двухъ столѣтій для будущаго ея историка несомнѣнно явится послѣдовательное и, въ большинствѣ случаевъ совершенно безкорыстное увлеченіе героической борьбой за правое и патріотическое дѣло буровъ, проявленное обществомъ почти всѣхъ цивилизованныхъ странъ.

У насъ, въ Россіи, общество особенно горячо откликнулось на этотъ порывъ и до сихъ поръ дѣятельно проявляетъ свои симпатіи многочисленными пожертвованіями, какъ явствуетъ изъ опубликованнаго пасторомъ Гиллотомъ отчета объ употребленіи суммъ, поступившихъ въ его распоряженіе для облегченія участи несчастныхъ бурскихъ семей, лишенныхъ этой жестокой войной крова и всякихъ средствъ существованія. Но особый интересъ возбудило въ нашемъ обществѣ образованіе еще въ началѣ войны, т. е. осенью 1899 года, на общественныя пожертвованія санитарнаго отряда, снабженнаго средствами и всѣмъ необходимымъ матеріаломъ чуть ли не лучше всѣхъ остальныхъ отрядовъ, перебывавшихъ въ Трансваалѣ.

Для незнакомыхъ съ организаціей этого дѣла напомню, что деньги, жертвуемыя въ пользу буровъ, за отказомъ принять ихъ голландскаго посланника, обязаннаго по своему положенію соблюдать полнѣйшую нейтральность, были направлены къ пастору С.-Петербургской голландской общины, г-ну Гиллоту, извѣстному по организаціи сбора пожертвованій и дѣла помощи у насъ въ тяжелый 91-й годъ и во многихъ другихъ случаяхъ, требовавшихъ широкой организаціи благотворительнаго дѣла. По его инициативѣ и подъ его председательствомъ былъ организованъ комитетъ для помощи бурамъ, преимущественно изъ видныхъ членовъ голландской колоніи въ С.-Петербургѣ, и, послѣ запроса у повѣреннаго въ дѣлахъ южно-африканскихъ республикъ д-ра Левдса, было

рѣшено на собранныя средства отправить въ Южную Африку санитарный отрядъ.

Этотъ отрядъ, совершенно независимый отъ высшаго почти одновременно отряда русскаго Краснаго Креста, было рѣшено образовать только наполовину изъ русскихъ; половину же его членовъ, ради удобства сношеній съ правительствомъ и жителями Трансваала, набрать въ Голландіи и во главѣ его поставить доктора-голландца. Отъ русскихъ же членовъ требовалось обязательно знаніе нѣмецкаго языка и выставлялась на видъ желательности хотя нѣкотораго знакомства съ голландскимъ или англійскимъ. Мы, занимавшейся уже болѣе двухъ лѣтъ въ больницѣ и хирургическомъ приемѣ Георгіевской общины сестеръ милосердія и хорошо владѣющей нѣмецкимъ и англійскимъ языками, при чемъ ознакомленіе съ голландскимъ не представлялось особенно затруднительнымъ, удалось тотчасъ попасть въ составъ этого отряда. Остальные русскіе члены были врачи: Ф. К. Веберъ, операторъ петербургской больницы Св. Маріи Магдалины, старшій изъ русскихъ докторовъ и единственныи имѣвшій степенъ доктора медицины; К. К. фонъ-Реневкампфъ изъ Александровской нѣмецкой больницы; Л. Борнгауптъ, ассистентъ профессора Бергмана въ Ригѣ, и В. Ал. Кухаренко, врачъ московской больницы Св. Екатерины. Сестры, кромѣ меня, были: старшій, безусловно самая опытная изъ насъ, Іозефина Ежовская, сестра Крестовоздвиженской общины, работавшая уже въ санитарномъ отрядѣ въ греко-турецкую войну; Амадія Яковсонъ и Юганна Мейеръ изъ Александровской нѣмецкой больницы и Гильда Мейснеръ—Евангелической больницы, младшая изъ насъ.

Персоналъ отряда, за немногими исключеніями совершенно между собою незнакомый, впервые встрѣтился (въ полномъ составѣ) 11-го декабря 1899 года въ квартирѣ пастора Гиллота для подписанія условій нашей поѣздки въ Южную Африку на средства комитета, во главѣ котораго онъ стоитъ. Въ этия условія, кромѣ обязательнаго соблюденія нейтралитета между воюющими сторонами и остальныхъ правилъ Женевской конвенціи, многихъ изъ насъ неприятно поразили размѣры полномочій главнаго врача и начальника отряда, получившаго право не только безконтрольно распорядиться всеми матеріальными средствами отряда и рабочей силой его членовъ, но еще, безъ возможности протеста со стороны другихъ врачей, удалить всякаго неудобнаго ему члена, и удалить, не выдавая средствъ на поѣздки въ Европу, что, конечно, должно было служить побужденіемъ для немущихъ членовъ отряда подчиняться даже неразумнымъ и некорректнымъ выходкамъ и требованіямъ, если бы таковыя обнаружались. Сознаясь, что меня сразу поко-

робила эта отдача насъ на полный производъ котк бы и хорошо рекомендованнаго, но все же совершенно неизвѣстнаго намъ господина, и многіе изъ товарищей впоследствии сознавались, что испытали то же самое чувство. Но мысль о необходимости дисциплины въ такомъ трудномъ и отвѣтственномъ дѣлѣ, примѣръ старшихъ и болѣе опытныхъ членовъ отряда, каюсъ, сознание, что я лично въ крайнемъ случаѣ всегда могу выбраться изъ этой исторіи на собственные средства, больше всего желаніе принять участіе въ интересной экспедиціи, — все это въ концѣ-концовъ побудило насъ всѣхъ подписать эти условія и тѣмъ поставить себя съ самаго начала въ неправильное и фальшивое положеніе. Главнаго врага, амстердамскаго доктора фанъ-Леерсума (спеціалиста по болѣзнямъ желудка), многія изъ насъ, сестеръ, даже и не видѣли въ его короткій пріѣздъ въ Петербургъ; доктора, кажется, разъ съ нимъ завтракали, и всѣ мы положились на его чувство ответственности и порядочности и на осмотрительность комитета, руководившагося нъ этомъ выборѣ, кажется, рекомендаціей голландскаго профессора Тиллауса. Помощникомъ себѣ по хозяйственной части д-ръ фанъ-Леерсумъ взялъ знакомаго ужестъ Трансваалемъ инженера, г. фанъ-Мойзена, на обязанности котораго лежало заведываніе всею хозяйственной частью экспедиціи и забота о продовольствіи и передвиженіи отряда въ незнакомой, рѣдко населенной странѣ при тяжелыхъ условіяхъ военнаго времени.

Полагаю, однако, что не отъ человѣка, знакомаго уже съ Трансваалемъ и условіями его климата, исходили нѣкоторые изъ настоящихъ насчетъ экипировки, переданныя намъ отъ комитета. На совѣщаніи по этому предмету, состоявшемся нъ квартирѣ пастора Гиллота, мнѣ, изъ сожалѣнію, не довелось участвовать, такъ какъ извѣщеніе о немъ случайно дошло до меня слишкомъ поздно. Виноватъ основательно, какъ предохранительное средство отъ мѣстныхъ лихорадокъ, было требованіе носить шерстяное бѣлье, хотя я знаю, что нѣкоторые изъ членовъ отряда на свой страхъ отъ него уклонялись, къ счастью, безъ особенно дурныхъ послѣдствій; также рационально было требованіе имѣть высокіе, непромокаемые сапоги для работы въ полевыхъ лазаретахъ. Но только человѣкъ, незнающій трансваальскаго климата, могъ отсѣлговать клеенчатые плаща для дождливаго времени и кожаныя или клеенчатыя укладки для вещей. Кожаныя и клеенчатыя вещи, какъ извѣство, легко портятся нъ тропическомъ климатѣ; но Трансвааль, по своему положенію внѣ тропиковъ и по своей высотѣ надъ уровнемъ моря, не подпадаетъ подъ эти условія и всѣ эти предметы употребляются мѣстными жителями и продаются нъ Преторіи и другихъ городахъ, но, какъ всѣ предметы европейскаго ввоза, стоятъ тамъ буквально десятикратно дороже

шего, особенно въ военное время, когда подвозъ почти прекратился; вапрямѣрь, за гуттаперчевый плащъ съ насъ въ Преторіи соралиывали около 6-ти фунтовъ, т. е. 60 руб. Укладка такъ же, какъ мы убѣдились на примѣръ самого Мойзана, вполне возможна въ обыкновенные кожаные или брезентовые чемоданы или даже въ простые деревянные ящики, какъ были уложены перевязочный матеріалъ, провіантъ, инструменты и все остальное амбулаціонное добро. Насъ же почему-то обязали завести желѣзные ящики берлинской фирмы Диппельскирхъ, спеціально зависяющей экипировкой для тропическихъ странъ; ящики эти на дѣлѣ оказались довольно тяжелыми и громоздкими, и, кромѣ того, доставили еще намъ удовольствіе до Берлина тащить вещи въ кое-какой временной укладкѣ, а тамъ, вмѣсто отдыха, торопиться перекладкой ихъ въ знаменитые желѣзные сундуки. Предвидя возможность спѣшнаго передвиженія съ малымъ багажемъ, я, кромѣ того, захватила съ собою въ ремняхъ, вмѣсто туты, помѣстительные кавказскіе сѣдельные мѣшки в бурку, но примѣръ сестеръ правительственнаго отряда Краснаго Креста, и эти двѣ вещи оказались самой пріятной и практичной частью моего багажа, такъ же какъ непромокаемые парусиновые сапоги выше колѣнъ, также заимствованные мною у сестеръ офиціального отряда, сваряженныя на основаніи опыта отряда, раньше отправленнаго въ Абиссинію.

Форма намъ, въ отличіе отъ сестеръ правительственнаго отряда, взятыхъ пѣзъ Георгіевской и Александровской петербургскихъ общинъ, съ ихъ корячевымъ костюмомъ, была дана сѣрая, изъ обыкновенной сѣрой холстинки, головная косынка и фартукъ обыкновеннаго образца русскихъ общинъ, при чемъ нѣсколько странный видъ долженъ былъ имѣть только красный крестъ, нашитый у насъ на необычномъ мѣствѣ— а именно на задней части косынки, чтобы англичане по насъ не стрѣляли, когда мы ставемъ удирать, какъ острили нѣкоторые; въ дѣйствительности же этотъ крестъ, болтающійся на затылкѣ, вблизи довольно курьезный, издали, по своему малому размѣру, совсѣмъ терялся в ор работѣ въ полѣ приходилось разсчитывать, конечно, ужъ не на него, а на общій видъ костюма. На недостатокъ крестомъ, въ видахъ безопасности, мы вообще пожаловаться не могли: у насъ, сестеръ, онъ, кромѣ затылка, былъ еще на груди, какъ у обыкновенныхъ общинскихъ сестеръ, и на перевязи на лѣвой рукѣ, обязательной, по женевскимъ постановленіямъ для членовъ санитарныхъ отрядовъ въ военное время. У докторовъ, кромѣ перевязи, кресты были еще на шляпахъ и, кромѣ того, купленные ими въ Берлинѣ у Диппельскирха хаки и пальто оказались съ маленькими красными крестами на воротникахъ и съ черными крестами на металлическихъ пуговицахъ.

Эти подробности теперь кажутся ничтожными, но тогда они нас очень занимали, стоили много обсуждения и заняли много времени для своего выполнения, так что некоторые из нас едва справились с экспировкой в данный нам 10-ти-дневный срок. В то же время хотелось, по возможности, повидаться с родными знакомыми, так как вхалд мы с несколькими преувеличеннымъ понятиемъ объ ожидающихъ насъ лишенияхъ и опасностяхъ и вполне помпрившись съ возможностью не вернуться вовсе.

Наконецъ, послѣ безконечныхъ тревоженій и хлопотъ, 13-го декабря мы всѣ собрались на завтракъ у пастора Гиллота, пожелавшаго вапутствовать насъ, по его выраженію, «рыцарей и сестеръ Краснаго Креста», горлчей и торжественной рѣчью. Кромя его панутствія, было произведено еще вѣсколько рѣчей, въ свое время нашедшихъ себѣ мѣсто въ газетахъ, высказано много умныхъ и благородныхъ мыслей, выпито много тостовъ за отрядъ и его будущую дѣятельность, жертвователей и организаторовъ, усидѣхъ дѣла ес.

Не знаю какъ другіе, но у меня отъ всего этого осталось только общее и довольно смутное впечатлѣніе: немало думалось о личныхъ дѣлахъ, разлука съ родными, послѣднихъ предстоящихъ хлопотахъ и тому подобномъ. Отъѣздъ былъ назначенъ на другой день съ 12-ти-часовымъ поѣздомъ на Берлинъ, Мюнхенъ, Римъ и Неаполь, гдѣ мы должны были встрѣтиться съ нашими голландскими товарищами и съѣсть на пароходѣ иѣмецкой южно-африканской линіи «Канцлеръ», взявшій уже изъ Амстердама весь огромный и сложный багажъ амбулавціи, числомъ около 600 ящиковъ. Закупка всего необходимаго матеріала въ Амстердамѣ была рѣшена вълѣдствіе удобства для начальника отряда и для администратора заняться ею тамъ, относительной дешевизны всего этого въ Голландіи, а также удобства погрузки на гамбургскій пароходъ. Съ Неаполя же мы становились уже подъ непосредственное начальство г-на Фаль-Леерсума; до того же русскимъ докторамъ была поручена забота о насъ, сестрахъ, денежная же и хозяйственная часть поѣздки возложена на старшаго русскаго врача, доктора Вебера. Въ виду неудобства самому шикать по всѣ мелочи дорожнаго расхода сестеръ, при ширничкѣ почти всѣхъ ихъ къ путешествію заграничей, д-ръ Веберъ, за отказомъ старшей изъ насъ, сестры Кжевской, съ перваго же дня передалъ мнѣ эту часть своихъ обязанностей, съ которой я, вѣскольکو знакомалъ съ условіямъ заграничной жизни, справлялась какъ умѣла, и сношенія по этому предмету положили начало явнымъ и неизмѣнно хорошимъ отношеніямъ во все продолженіе экспедиціи.

Многіе изъ жителей Петербурга помнить горячіе проводы грн.

мадной толпой совѣсьмъ незнакомыхъ людей, двухъ санитарныхъ отрядовъ, отиравленныхъ въ Южную Африку. На первыхъ проходахъ правительственнаго отряда я, пришедшая проститься съ знакомымъ сестрами Георгіевской общины, чуть не была сброшена подъ поѣздъ внапоромъ возбужденной толпы. О второмъ я помню массу горячихъ рукопожатій и пожеланій знакомыхъ и совершенно незнакомыхъ лицъ, страшную давку, почти невозможность какъ слѣдуетъ проститься со сполни, и невольное облегченіе, когда, наконецъ, раздалась послѣдніе свистки и поѣздъ, среди построженныхъ криковъ, молитвъ и крестныхъ знаменій, посылася въ вагъ плѣдъ, отошла отъ дебаркадера.

Въ поѣздѣ, кромя захваченнаго каждымъ изъ насъ небольшого запаса провизіи, мы оказались щедро снабженными отъ членовъ комитета, а то и незвѣстныхъ друзей: были тутъ закуски, вино, фрукты конфеты въ такомъ количествѣ, что ихъ хватало еще на кораблѣ и кое-что даже пришлось выбросить, такъ что мы трувили между собой, что начало поѣздки не сулитъ еще намъ опасности отъ лишеній, а развѣ только отъ незлещства. Въ вномъ настроеніи это все было бы еще болѣе кстати и пріятно; тутъ же прежде всего хотѣлось отдохнуть отъ хлопотъ и волненій послѣднихъ дней и даже дѣло сблизившія съ незнакомыми товарищами въ этотъ первый день шло туго и подвигалось только въ Берлинѣ, при общихъ хлопотахъ и необходимости соглашаться на счетъ общихъ движеній.

Пріѣхавъ въ Берлинъ на другой день, 15-го, къ вечеру, мы, послѣ очень нужнаго ночного отдыха, весь почти день были заняты закупкой тѣхъ необходимыхъ вещей, закупку которыхъ оставилъ до Берлина, а затѣмъ укладкой стараго и новаго въ желѣзные ящики отъ Диппельскрха. Намъ, сестрамъ, въ этомъ складѣ пришлось покупать только ящики и кое-какую мелочь, напришѣръ, походные флажки, запития въ поилкахъ, съ ремнями, пристегивающимися къ поясу для сѣдла, ножи и т. и.; доктора же заведели полную экипировку — халы и другіе тропическіе костюмы, непромокаемыя пальто (не клеенчатые) еск., которые приходилось еще шить и прилаживать. Въ этомъ отношеніи фирма Диппельскрхъ выказала большую предупредительность, несмотря на рождественскіе праздники (по нов. ст.), приготоваивъ все въ одинъ день; извѣтъ же этого мы, по ихъ преслѣбѣ, сдѣлали вымъ любезности, снятыя общей группой въ купленныхъ у нихъ вещахъ. Фотографированіе въ новыхъ необычныхъ костюмахъ, къ тому же вечеромъ при освѣщеніи магніемъ, обошлось, конечно, не безъ смѣха и курьезовъ, но фотографія, которую мнѣ потомъ довелось видѣть, вышла довольно удачная и, говорятъ, была выставлена на радость берлинскимъ буроплазмъ и прославленіе фирмы и ея произведсній. Съ большинъ за-

трудностей все это было окончено, костюмы сняты и уложены такъ, что мы еще попали на вечерній поѣздъ прямого сообщенія съ Римомъ, такъ какъ оставшіяся у насъ до отлитія «Канцлера» нѣсколько свободныхъ дней мы предпочитали провести въ Италіи и дорожили каждымъ часомъ. Собственно я охотно уѣхала бы довѣе на хорошо знакомый и шикшій мѣстѣ по прежнимъ путешествіямъ Мюнхенъ, но нельзя было отставать отъ товарищей и, проѣхавъ безостановочно Мюнхенъ, живописный Инсбрукъ, перевалили Бреннеръ, вѣчью миновали Верову, Миланъ, на зарѣ были во Флоренціи, но съ искреннимъ сожалѣніемъ могли только видѣть, какъ тали въ розовомъ утреннемъ туманѣ кушолъ собора и бапти Сантамие и palazzo vesellio. Затѣмъ послѣдовалъ прелестный даже въ зимнее время Val d'Agnio, еще нѣсколько маленькихъ мѣстечекъ съ несвѣтло-громкими псевдами и часа въ два мы, наконецъ, достигли Рима и тутъ впервые почувствовали шокъ опредѣленно, что оставили сѣверъ за собою. Остановились мы въ Hotel Hassler, и я никогда не забуду радостное впечатлѣніе выставки цвѣтовъ на продажу вокругъ фонтана Piazza di Spagna: оставивъ три дня назадъ Петербургъ при 20-ти градусномъ морозѣ, душа радовалась на это обиліе душистыхъ красокъ — лилій, розъ, фіалокъ, присовѣ, гвоздикъ, грудями лежавшихъ вокругъ журчащаго фонтана у подножія грандіозной лѣстницы.

Вообще на этотъ разъ мы имѣли дѣло болѣе съ живописной и современной стороной Рима: грандіозной красотой его общаго вида съ холмовъ позади св. Петра, типичностью отдѣльныхъ зданій, уголковъ и фигуръ, встрѣчающихся при самой бѣглой прогулкѣ по его уллицамъ, прелестію его садовъ и виллъ. На музеи намъ не хватало времени, да и дни были неподходящіе: кануны и самый день Нового года, по полагю столѣтняго (1900), такъ что мы сочли себя особенно счастливыми, запасшись билетами на торжественную полуночную мессу въ соборѣ св. Петра. Билеты эти продалъ намъ гдѣ, водившій насъ по собору и папскимъ садамъ; потому оказалось, что пускали всѣхъ безо всякихъ билетовъ, — но вѣдь надо жить и гадать. Для меня же впечатлѣніе этого почного торжественнаго богослуженія въ самомъ грандіозномъ храмѣ христіанскаго міра и послѣдующей вѣчной прогулки по Риму, гдѣ мы едва не заблудились, несомнѣнно стояло подачки во одному глду.

Въ Римѣ намъ еще осталось памятнымъ послѣднее впечатлѣніе Россіи, родного пріявіта и ласки, хотя отъ чужихъ, мало знакомыхъ людей, но своихъ, русскихъ. Въ одной гостиницѣ съ нами стояли князь Долгорукій и его супруга, княгиня Лидія Алексѣевна, заинтересовавшіеся нашимъ отрядомъ ислѣдствіе того, что ихъ племянникъ, графъ Павелъ Алексѣевичъ Вобринскій, имѣлъ намѣреніе пріяивауть къ одному изъ рус-

скихъ отрядовъ Краснаго Креста на пути въ Трансвааль, что онъ впоследствии и осуществлялъ, сами же они въ Русско-турецкую войну 77-го года завѣдывали санитарнымъ складомъ и могли дать намъ много интересныхъ и цѣнныхъ указавій. Тамъ же мы встрѣтились съ В. П. Волковой, рожденной графиней Рейдевъ, дочерью члена русско-голландскаго комитета графа Петра Александровича; такимъ образомъ, мы въ Римѣ встрѣчали Новый годъ (по тамошнему) еще не совсемъ оторванными отъ родной Россіи и потомъ долго еще вспоминали наденныхъ тамъ чужихъ друзей и наслаждались цвѣтами и конфетами, съ которыми проводили насъ при отъѣздѣ эти послѣдніе милые русскіе, съ которыми мы вѣли дѣло, оставляя Европу.

Мы уѣхали изъ Рима 1-го января нааго стидя около полудня и къ ночи были въ Неаполѣ. Такъ какъ нашъ пароходъ даже еще не пришелъ и о голландскихъ товарищахъ также не было никакихъ слуховъ, мы рѣшили остававшійся намъ свободный день употребить на большую экскурсію по окрестностямъ Неаполя: пароходомъ на Капри и оттуда въ Сорренто, затѣмъ по корнишѣ неаполитанскаго залива въ экинажѣ до Помпеи и завершить все это ночнымъ подъемомъ на Везувій. Обширный плакъ на 24 часа; по съ вступленіемъ на корабль завершался для насъ послѣдній часъ относительной свободы; ожиданіе въ будущемъ тяжелыхъ арѣлицъ, невзгодъ и опасностей съ неуверенностью возвращенія возбуждало верны и постѣ холода, серьезныхъ настроеній и мелочныхъ заботъ послѣднихъ дней въ Петербургѣ хотѣлось использовать этотъ послѣдній часъ въ Египтѣ, насладиться прелестью южной природы въ ея многообразныхъ проявленіяхъ, прежде чѣмъ вступить на путь труднаго и небезопаснаго долга. Зато и достигли мы своей цѣли: поѣздка по морю, голубой гротъ, прогулка по пригрѣтому солнцемъ Капри, между ея лавградными, были сплошнымъ наслажденіемъ, такъ что во время поѣздки въ экинажѣ между Сорренто и Помпеей я глазъ, и мозгъ устали воспринимать вѣчно мѣнявшіяся картины природы, одну другой красивѣе. Еще оригинальнѣе, хоть и очень утомителенъ, былъ предприятый послѣ краткаго отдыха подъемъ на Везувій въ темнотѣ при факелахъ, отравленный только гамомъ и приставаемъ толпы назойливыхъ неаполитанскихъ гидовъ и поговщиковъ нашихъ несчастныхъ маловѣковыхъ лошадинокъ. Везувій сдѣлалъ намъ честь подышать при насъ въ шутку огнемъ и выбросить нѣсколько камней, а затѣмъ во время спуска мы вполне насладились бы арѣлицемъ лежавшаго глубоко подъ нами неаполитанскаго залива при первыхъ лучахъ восходящаго солнца, если бы опять не оравле закабаленныхъ насъ тридцати итальянцевъ и создаваемая нами самими необходимость слѣшить возвращеніемъ въ Неаполь, что мы